



## «Что тебе, больше всех надо?» История одного уплотнения

Товарищ Егоров, прядильщик на мюлях фабрики «Красное эхо», Переславского уезда, слыл за большого бузотёра. Не проходило ни одного собрания, ни одного заседания, где бы он не крыл существующие порядки.

Но вот «бузотёра» Егорова выбирают председателем производственной комиссии.

Дальше события описываются со слов самого тов. Егорова.

— В газетах, — рассказывает он, — я читаю всё, что относится к производству. Слежу за работой съездов и конференций. Я смотрю газету от корки до корки, всё ищу — нет ли чего о производстве.

Вижу я — курс взят на уплотнение рабочего времени, а мы, прядильщики, не работаем, а гуляем. Гуляем по 3—4 часа в день.

Пригляделся я к своей работе, поговорил с секретарём производственной комиссии, посчитали как умели, и решили, что на двадцатом утке, вместо 5 человек, свободно можно работать вчетвером.

Написал заявление, направил один экземпляр секретарю фабричной ячейки ВКП(б), другой — в фабком (он его потерял), а третий — оставил себе. Говорю потом заведующему фабрикой:

— Давай попытаем уплотниться...

Тот отвечает:

— Хорошо, давай...

Директор тоже согласен, но говорит, что надо втянуть в это дело массу.

Я думаю: взять бы вот пяток человек из прядильщиков и ватерщиков, да послать их — пусть съездят, посмотрят, где как работают. Легче тогда будет массу втягивать! (Ватерщиц-то я хотел прихватить для того, чтобы и они уплотнились. Тоже на окошках посиживают!)

Администрация заявляет: «давай!», а дело — ни с места. Фабком и ячейка тоже молчат, инструкций каких-то ждут. И решил я махнуть в правление и в губотдел союза!

Поехал на свои деньги, рассказал везде. Говорят:

— Дело хорошее! Начал — так и проводи. А мы поможем.

Получил я возможность съездить на другие фабрики, посмотрел, приехал и начал греметь: Надо переходить на уплотнённую работу.

Поставили доклад на производственной комиссии, обсудили и решили: — переходить на уплотнение.

Пленум фабкома, на котором присутствовал и председатель александровского отделения союза, утвердил постановление производственной комиссии.

Но дело не двигалось. После пробы мы работаем по-старому впятером. Решил я двинуться к секретарю укома.

Пришёл к нему, разъяснил, в чём дело. Он выслушал и вскоре созвал совещание. На совещании были директор фабрики, председатель отделения союза, фабкома, секретарь ячейки.

Перед тем как вплотную ставить вопрос об уплотнении, по моей просьбе отдел экономики труда фабрики провёл хронометражное обследование работы. Цифры подтвердила возможность работать вчетвером. «Фотография рабочего дня», сделанная отделом экономики труда, и фигурировала на совещании в укоме.

Уком дело подробно разобрал, одобрил наше начинание. Вышли мы из укома. Я говорю председателю отделения союза:

— Давай, оформлять это дело, да укажи фабкому, как его лучше провести. — Председатель отвечает:

— Теперь дело ясное. Приезжай завтра в подрайонное отделение — мы всё и устроим...

Работаю я над этим, а в быту у меня — ад кромешный. Жена ругается: «Что тебе, больше всех надо? Мне проходу не дают, ругают, говорят — что я тебя не угомоню?»

На стенах в уборной появились надписи: «Егоров предатель рабочего класса».

За это время на 20 фунтов [8,2 кг] весу сбавил, спать не могу. Однако раз начал дело — надо его кончать. Поехал я, как условились, в отделение союза, а там и разговаривать со мной не хотят. Вернулся ни с чем. Это было в субботу.

В понедельник поехали снова, уже с заведующим отделом экономики труда. И опять одна ругань:

— Что тебе, больше всех надо? Ты в помощники директора, что ли, захотел?

После моего настояния, однако, вопрос стали обсуждать. Но и тут придрались: «Почему без нашего согласия пробу проводили?»

Я говорю, что председатель отделения сам был на пленуме фабкома, когда разбирался вопрос, и не возражал.

Долго пришлось уламывать союз, в конце концов — уломали.

Пробу на ватерах сначала никак не хотели разрешать, но после долгих споров тоже разрешили.

Теперь, после долгой волокиты, работаем мы вчетвером на 20 утке. И работаем легко.

Готовим переход на тридцать восьмом номере — втроём.

Увольнять, конечно, мы никого не уволили, а только «временных» поменьше стало. Вообще у нас прядильщиков нехватка.